

ИРИОН ЗЕТ
КОСМИЧЕСКИЙ
ГОСПИТАЛЬ
— СИМБИОЗ —

Ирион Зет Космический госпиталь. Симбиоз

<https://litres.ru/74565924>

Аннотация

Космический госпиталь — последняя надежда для существ со всей Галактики. Здесь лечат неизлечимое, здесь сталкиваются с тем, что не поддается сканерам. Ледяной рационалист главный врач, импульсивный хирург и девушка-эмпат с Земли — трое медиков, которым не место в одной команде. Но когда на станцию приходит смерть, не имеющая ни названия, ни объяснения, их вынужденный союз оказывается единственным, что способно заглянуть в самую суть болезни. Но как быть, если их главное оружие против неё — это то, что нельзя измерить приборами?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	54
Глава 8	59
Глава 9	67
Глава 10	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Глава 1

Элара

Первое, что я ощутила, ступив на палубу «Пангенезиса», был звук. Это был низкочастотный гул отчаяния, не слышимый ушами, но впивающийся прямо в виски. Мое проклятие - мой дар - включилось мгновенно и на полную мощность. Я едва не упала, схватившись за холодный косяк шлюза. Где-то справа плакало от ожога что-то, пахнущее серой и медом. Слева томила тупая, ноющая боль, похожая на ржавчину. А прямо передо мной, за стеклом смотрового экрана, клубилась настоящая симфония страха - десятки, сотни чужих жизней, каждая со своей уникальной, нечеловеческой агонией. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь поставить внутренний щит, как учили. Бесполезно. «Пангенезис» был не просто госпиталем. Он был живым, дышащим организмом, состоящим из боли. И мне предстояло в нем работать.

Меня вела администратор - невысокая женщина с кожей цвета вороненой стали. Она что-то говорила о расписании, процедурах безопасности, но ее слова доносились до меня сквозь вату. Я кивала, цепляясь взглядом за детали: по коридору проплыла антигравитационная капсула, в которой нечто, похожее на светящийся куст, медленно меняло цвет с голубого на болезненно-желтый. Двое существ в защитных костюмах, чьи силуэты были знакомы лишь по учебным го-

лограммам, о чем-то спорили на шипящем языке.

- А здесь ваше отделение, - голос администратора вернул меня к реальности. - Ксенобиология и экстренная помощь. Ваш наставник...

Дверь перед нами раздвинулась беззвучно.

И я увидела его. Он стоял, склонившись над голограммой сложной молекулярной структуры, и с первого взгляда показался статуей, высеченной из лунного камня. Высокий, почти двухметровый, с безупречной осанкой. Его кожа... она не была просто бледной. Она переливалась, как внутренняя поверхность раковины-жемчужницы, отсвечивая приглушенным, холодным серебром. У него были острые, четкие черты, лишённые какой бы то ни было мягкости или мимики. Когда он поднял голову, я встретила с его взглядом. Глаза без зрачков, цвета жидкой ртути. В них не было ни любопытства, ни приветствия. Только оценка. Быстрый, всеобъемлющий сканирующий взгляд, который, казалось, взвесил и отмерил мою компетентность еще до того, как я открыла рот.

- Доктор Тораск, - представилась администратор. - Ваш новый стажер, Элара Вэнс, с Земли.

Он кивнул, движение было экономным до скупости.

- Вэнс. Ваше досье я изучил. Ваши методы... необычны. «Эмпатическая диагностика». - Он произнес это так, будто говорил о магии кристаллов. - На «Пангенезисе» мы опира-

емся на данные. Квантовые сканы, биохимические анализы, геномные карты. Чувства - ненадежный проводник.

Его голос был ровным, металлическим, без интонаций. От него веяло такой ледяной, абсолютной уверенностью, что у меня внутри что-то сжалось. Не страх, а вызов. Я привыкла к такому отношению.

- Данные говорят о том, что уже случилось, доктор, - выпалила я, заставив себя выпрямиться. - Иногда чувства могут подсказать, что происходит *прямо сейчас*. И что *может* случиться.

Тораск секунду смотрел на меня своими ртутными глазами. В воздухе повисла тишина, и в ней я вдруг уловила новый запах. Едва уловимый, сложный. Как холодный мрамор, смешанный с озоном после грозы и чем-то неузнаваемо-пряным. Это исходило от него. Его... феромоны? Учебники предупреждали, что у расы Кей'тан сложная химическая сигнальная система, но чувствовать ее так явно...

- Теоретически, - наконец произнес он, обрывая мои мысли. - Практика покажет. Пойдемте. Поступил новый пациент. Вы будете наблюдать.

Он повернулся и пошел, не оглядываясь. Я поспешила за ним, чувствуя себя неуклюжим щенком рядом с гепардом.

Пациент находился в изоляционной камере. Через прозрачный купол я увидела... моллюска. Огромного, размером с пони. Его раковина должна была быть гладкой и перламутровой, но сейчас она была уродливо покрыта наростами. Не

просто наростами - это были кристаллы. Прозрачные, острые, они прорастали из панциря, как чудовищный морозный цветок, искрясь под светом ламп. Каждый кристалл пульсировал тусклым, болезненным светом.

- Вид Кристакс аурум, - голос Тораска звучал у меня за спиной. - Колония кремний-органических существ. Их панцирь - это живая, растущая структура. Это - патологическая кристаллизация.

Я прижала ладонь к холодному куполу. И закрыла глаза. Не думать. Не анализировать. Чувствовать. Сначала - волна. Не физической боли. Это было... одиночество. Глубокое, всепоглощающее, старое как сама скала. За ним - страх. Панический, животный страх застыть навеки, превратиться в неподвижную статую, быть погребенным в собственной оболочке. И сквозь это - тоненькая, еле слышная ниточка чего-то еще. Как ритм. Сбившийся, прерывистый ритм.

- Он... он не просто болеет, - прошептала я, открыв глаза. - Он потерял связь. То, что держало его колонию в единстве. Он барахтается в тишине и медленно каменеет от ужаса.

Тораск молчал. Я обернулась. Его лицо было все так же непроницаемо, но в его серебряных глазах мелькнула искра - чисто интеллектуального интереса, как у ученого, увидевшего необъяснимый феномен.

- Интересная гипотеза, - сказал он наконец. - Лишена доказательств. Мои сканеры фиксируют только биохимический дисбаланс.

- А что, если дать ему этот ритм обратно? - вырвалось у меня. - Не химию. Звук. Вибрацию.

- Резонансная терапия входит в протокол. Она не помогает.

- Не *такой* резонанс! - Я сама удивилась своей настойчивости. - Не разрушать кристаллы, а... найти *его* частоту. Ту, что он потерял.

В этот момент дверь в лабораторию с шипением отъехала.

- Слышал, у нас кризис с каменным устричным супом? - раздался голос.

Он был теплым, бархатистым, с легкой, игривой хрипотцой. И он шел от того, кто теперь прислонился к косяку, скрестив руки на груди.

Мой взгляд упал на него, и я на мгновение забыла о пациенте. Он был ростом со меня, но казался больше из-за широких плеч и расслабленной, уверенной позы. Кожа - матовая, серебристо-серая, как пепел после костра. И он улыбался. Легкая, чуть дерзкая улыбка трогала уголки его губ, а в уголках глаз собирались смешливые морщинки. Но больше всего меня поразили его руки. По предплечьям, от запястий почти до локтей, шли гибкие, перепончатые мембраны. Сейчас они мерцали спокойным, глубоким синим цветом, как океан в безветренный день. Они дышали, слегка пульсируя в такт его дыханию.

- Зэврик, - представился он, не меняя позы, и кивнул в мою сторону. - А ты, должно быть, тот самый новый эмпат,

о котором все шепчутся в кулуарах.

- Элара, - сказала я.

- Зэврик - наш ведущий хирург-виртуоз, - произнес Тораск, и в его голосе впервые появился оттенок - не раздражения, а скорее констатации факта. - И сторонник... интуитивных решений.

- О, называй вещи своими именами, айсберг, - Зэврик оттолкнулся от косяка и подошел к куполу, его мембраны вспыхнули любопытным оранжевым. - Я сторонник того, что работает. А твои сканеры, похоже, не работают. Так что, новенькая, что ты там почуяла своим сверхчутьем?

Я вкратце повторила свою догадку о потерянном ритме. Зэврик слушал, внимательно глядя на пациента, его мембраны переливались разными оттенками синего и зеленого, как бы оценивая информацию.

- Ритм, а? - Он почесал подбородок. - Знаешь, у нас в реанимации есть генератор поля для Ворхнов. Создает стабилизирующую пульсацию. Может, попробовать подать что-то подобное, но на другой частоте?

- Это риск, - немедленно отрезал Тораск. - Известные частоты могут вызвать катастрофический резонанс и разрушить пациента полностью.

- А сидеть сложа руки и смотреть, как он превращается в бриллиантового ежика - не риск? - парировал Зэврик, и его мембраны вспыхнули алым. Не агрессия, а страсть, горячая убежденность.

Я смотрела на них: ледяная статуя и живое пламя. И странное дело - их противостояние не пугало меня. Как два полюса одной батареи.

- А если... - голос мой прозвучал тише, чем я хотела. Они оба повернулись ко мне. - А если найти частоту не методом тыка? Я... я почти чувствую ее обрывки. Как эхо. Если я смогу ее поймать и описать...

- Ты можешь? - спросил Зэврик, и в его глазах вспыхнул азарт.

- Это ненадежно, - повторил Тораск, но уже без прежней бесповоротности. В его сложном, пряном запахе появилась новая, острая нота.

- Дайте мне доступ к аудио-сенсорам, - сказала я, внезапно ощутив прилив уверенности. - И тишину.

Тораск, после мгновенной паузы, кивнул. Его пальцы взметнулись над голограммой панели управления. Зэврик присвистнул - на его мембранах пробежала веселая зеленая волна.

Я снова приложила руки к куполу, закрыла глаза и погрузилась в тот сбившийся ритм. Я отбросила страх, отбросила одиночество, стараясь вычленить чистую, первозданную пульсацию, которая когда-то была песней этого существа. Это было похоже на попытку услышать мелодию в радиопомехах. Каждый раз, когда мне казалось, что я что-то ловлю, она ускользала.

- Тише, - прошептал за моей спиной Зэврик. Не команда,

а просьба. И странно - его присутствие, это теплое, живое сияние, которое я чувствовала кожей, не мешало, а наоборот, помогало сконцентрироваться.

И тогда я поймала ее. Вибрирующий, глубокий звук, похожий на удар гигантского сердца, сделанного из камня. Раз-два-три... пауза... раз-два...

- Вот, - выдохнула я. - Три коротких импульса, один долгий... частота... на уровне нижнего порога слышимости для нас. Искажена, но основа там.

Я открыла глаза. Тораск уже вводил параметры. Его лицо было сосредоточено, пальцы летали с нечеловеческой скоростью и точностью.

- Генерирую, - сказал он. - Мощность на минимуме.

Из динамиков вокруг капсулы полился звук. На голограмме жизненных показателей Кристакса ничего не менялось. Кристаллы по-прежнему мерцали зловещим светом.

- Увеличиваю амплитуду, - сказал Тораск.

Звук нарастал. Вибрация чувствовалась даже через пол. И вдруг... один из маленьких кристаллов на краю панциря дрогнул и рассыпался в мелкую, похожую на иней пыль.

- Есть контакт! - воскликнул Зэврик, и его мембраны вспыхнули ярко-золотым, как триумфальный салют.

Тораск ничего не сказал, но угол его рта дрогнул на миллиметр. Он скорректировал частоту, подстраиваясь. Еще один кристалл осыпался. Потом третий. Мерцание в остальных стало менее болезненным, более ровным. Тупая волна

страха, исходившая от пациента, начала отступать, сменяясь усталым, но чистым ощущением покоя.

Мы стояли втроем, наблюдая, как живое существо постепенно возвращается к себе. Адреналин отступил, оставив после себя легкую дрожь в коленях и странное, теплое чувство в груди. Я рискнула взглянуть на них.

Зэврик поймал мой взгляд и подмигнул, его мембраны теперь переливались довольным лавандовым цветом.

- Неплохо для первого дня, новенькая. Неплохо.

Тораск выключил генератор.

- Процедура будет продолжаться на поддерживающем режиме двенадцать часов, - констатировал он. - Данные записаны. Гипотеза... имеет право на дальнейшую проверку.

Это была высшая похвала. Я это понимала.

- Спасибо, - сказала я, и слова были обращены к ним обоим.

Тораск кивнул, уже погружаясь в изучение новых данных на голограмме. Зэврик же шагнул ко мне, и на мгновение его плечо почти коснулось моего. От него исходило физическое тепло, и аромат - совсем не похожий на сложную прохладу Тораска. Как горячий песок после полудня, смешанный с чем-то сладким, почти ванильным.

- Добро пожаловать в сумасшедший дом, Элара, - прошептал он так, что слышала только я. - Держись крепче. С айсбергом и со мной - тебе будет нескучно.

Он отошел, насвистывая какую-то мелодию, его мембраны мягко светились в такт. Моя голова гудела от перегрузки, а по спине бежали мурашки. «Пангенезис» был организмом из боли. Я не просто пришла сюда работать. Я пришла сюда, чтобы выжить. И, возможно, эти двое - полярные, невозможные, безумные - были той самой странной, непредсказуемой средой, в которой мое собственное проклятие могло наконец стать чем-то большим. Могло стать даром.

А где-то в глубине станции, в ее стальном сердце, тихо плакало что-то, пахнущее серой и медом. И ждало.

Приветствую на страницах моей книги. Надеюсь вам понравится роман. Обещаю, что будет интересно и горячо. Не забывайте класть книгу в библиотеку и ставить лайк.

Роман участвует в литмобе “Космические медики”

<https://litnet.com/shrt/BgV1>

Приятного

чете-

КОСМИЧЕС

НА СТРАЖЕ ЗДОРОВ

Глава 2

Тораск

Новый стажер была ошибкой. Я понял это в тот момент, когда она, шатнувшись, вцепилась в косяк шлюза. Ее веки дрожали, губы были плотно сжаты. Она не просто осматривалась - она *сканировала* пространство на уровне, недоступном стандартным сенсорам. В ее досье значилось: «Эмпат с повышенной сенсорной проницаемостью. Способен улавливать эмоциональный и болевой фон ксенобиологических видов». Псевдонаука. Эмоциональный фон - это химические сигналы, гормональные выбросы, электрическая активность нейронных сетей. Все это можно измерить. То, что делала она, измерению не поддавалось. И поэтому было бесполезно.

Я представился, наблюдая за ее реакцией. Она выпрямилась. В ее глазах - характерных для людей теплого коричневого оттенка - вспыхнул вызов. Интересно. Большинство в ее положении пытаются подстроиться или робеть.

- Данные говорят о том, что уже случилось, доктор, - сказала она. - Иногда чувства могут подсказать, что происходит прямо сейчас.

Наивно. И все же... формулировка была точной. Прогностические модели действительно строятся на данных прошлого. Ее подход, если его можно было так назвать, теоретически мог сократить временной лаг. Практической ценности

это не имело, но как умственное упражнение...

Я повел ее к пациенту 741, виду *Кристакс аурум*. Мои внутренние анализаторы, настроенные на постоянный мониторинг окружающей среды, зафиксировали аномалию. Мой собственный химический профиль изменился. Концентрация феромонов группы «Альфа-7» - маркеров фокусированного внимания и аналитической оценки - повысилась на восемнадцать процентов. Вторично, но в пределах нормы. Однако был зафиксирован микро-выброс из группы «Дельта-12». Сигналы этой категории слабо изучены и обычно ассоциируются с... неожиданным стимулом. С интересом. Источник аномалии - стажер Вэнс.

Ее реакция на пациента была предсказуемой для не-специалиста: широко открытые глаза, легкий вдох. Эстетика патологии часто впечатляет новичков.

- Вид Кристакс аурум, - начал я автоматически, озвучивая стандартный отчет. - Колония кремний-органических существ. Их панцирь - это живая, растущая структура. Это - патологическая кристаллизация.

Я перечислил примененные протоколы, отметив их неэффективность. Это была проверка: послушает ли она, поймет ли базовые принципы или сразу начнет строить фантазии.

Она не стала строить фантазии. Она приложила ладонь к куполу и закрыла глаза. Ее поза, выражение лица - все указывало на глубокую концентрацию. Я наблюдал, параллельно считывая показатели пациента. Никаких изменений. Ни-

каких, кроме тех, что могли быть вызваны ее присутствием как новым объектом в сенсорном поле существа. Через сорок семь секунд она открыла глаза и заговорила. И сказала нечто иррациональное.

- Он... он не просто болеет. Он потерял связь. Ритм. То, что держало его колонию в единстве. Он барахтается в тишине и медленно каменеет от ужаса.

Это была не диагностика. Это была поэзия. Точнее, субъективная интерпретация биохимических процессов, выраженная через призму человеческой психологии. Колония Кристакс не обладает центральной нервной системой в человеческом понимании. «Ужас» - антропоморфизм. И все же.

Ее слова описывали наблюдаемый эффект - прогрессирующую потерю подвижности с неожиданной образностью. Мои модели предсказывали тот же исход, но языком чисел и графиков. Ее «описание», лишенное научной ценности, обладало... ясностью.

- Интересная гипотеза, - констатировал я. - Лишена доказательств. Мои сканеры фиксируют только биохимический дисбаланс.

Она не отступила. В ее глазах горел тот же вызов, что и при встрече. Она предложила нестандартный подход - найти потерянную «частоту», ритм колонии. Это было рискованно и ненаучно. Резонансная терапия уже применялась по стандартным алгоритмам. Именно в этот момент в лаборатории появился Зэврик.

Его присутствие всегда регистрировалось как резкое повышение уровня фонового «шума». Он вошел не просто в комнату, а в пространство, немедленно заполнив его своей энергией. Его мембраны, эти примитивные, но эффективные био-дисплеи, светились спокойным синим - признак нейтрально-любопытного настроения.

- Слышал, у нас кризис с каменным устричным супом? - произнес он.

Я отметил, как взгляд Вэнс мгновенно переключился на него. Как ее поза изменилась - плечи слегка опустились, дыхание стало чуть глубже. Признак снижения стресса? Зэврик, как обычно, вел себя с раздражающей неформальностью, назвав ее «новым эмпатом». Его способность сводить сложные концепции к просторечным формулировкам была одновременно полезной и деструктивной. Когда я представил его как сторонника «интуитивных решений», он лишь усмехнулся.

- О, называй вещи своими именами, айсберг.

«Айсберг». Примитивная, но точная метафора с его стороны. Я зафиксировал микро-спазм в диафрагме - физиологический отклик на неожиданный ярлык. Неприятный.

Вэнс повторила свою гипотезу для него. Зэврик слушал, и его мембраны начали менять цвет, переливаясь от синего к зеленому - оценка, обработка информации. Он не спрашивал о доказательствах. Он сразу перешел к практическому решению, предложив адаптировать генератор поля из ре-

анимации. Его подход был типичным: найти ближайший инструмент и применить его с максимальной силой, надеясь на удачу.

- Это риск, - заявил я, озвучивая очевидное. - Известные частоты могут вызвать катастрофический резонанс.

- А сидеть сложа руки и смотреть, как он превращается в бриллиантового ежика - не риск? - парировал он. Его мембраны вспыхнули алым.

И снова Вэнс вмешалась. Тихим, но твердым голосом она предложила не «метод тыка», а попытку уловить и описать ритм через свое восприятие. Зэврик отреагировал мгновенно, с азартом. Я же повторил свою позицию о ненадежности, но... мой внутренний анализ уже показывал расчеты. Цифры были низкими, но сравнение точно не в пользу бездействия.

- Дайте мне доступ к аудио-сенсорам, - попросила она. - И тишину.

Тишина была невозможна. «Пангенезис» никогда не бывает тихим. Но я понял смысл. Я кивнул и активировал интерфейс.

Она снова закрыла глаза, ее лицо исказилось. Зэврик замер, его алое свечение сменилось темно-синим - цветом предельного внимания. Он даже прошептал «тише», как будто это могло помочь. Мои сенсоры фиксировали лишь стандартные физиологические показатели человека в состоянии стресса. Ничего, что указывало бы на контакт с пациентом. И все же, когда она наконец описала ритм - «три коротких им-

пульса, один долгий» - в ее голосе была несомненная убежденность.

Я ввел параметры. Частота была экзотической, на грани инфразвука. Я запустил генерацию на минимальной мощности. Показатели пациента не изменились. Я увеличил амплитуду. И тогда произошло маловероятное событие. Кристаллический нарост на панцире пациента дрогнул и рассыпался.

- Есть контакт! - воскликнул Зэврик. Его мембраны вспыхнули ярко-золотым - цвет чистой радости. Это свечение было настолько интенсивным, что на мгновение привлекло больше моего внимания, чем данные с мониторов.

Я скорректировал частоту, следуя алгоритму подстройки. Процесс пошел. Кристаллизация остановилась, затем начала медленно разрушаться. Жизненные показатели пациента поползли вверх. Гипотеза, лишенная доказательств, сработала. Я выключил генератор.

- Процедура будет продолжаться на поддерживающем режиме двенадцать часов, - сообщил я. - Данные записаны. Гипотеза... имеет право на дальнейшую проверку.

Вэнс сказала «спасибо». Смотрела она при этом на нас обоих. Ее лицо было бледным от усталости, но в глазах горело облегчение.

Зэврик подошел к ней. Расстояние между ними сократилось. Он что-то прошептал ей, и уголки ее губ дрогнули в подобии улыбки. Затем он отошел, насвистывая. Его мембраны мягко светились в такт мелодии - признак удовлетворе-

ния. Я продолжил изучать данные, но часть обработки была выделена на анализ текущей ситуации.

- Вэнс, - обратился я. Она вздрогнула и повернулась. - Ваш первый рабочий день окончен. Отчет по случаю необходимо подготовить к восьми утра завтра. Формат - стандартный. Раздел «Наблюдения» можете заполнить... в своей манере. Она кивнула.

- Я сделаю.

Я видел, как Зэврик у выхода обернулся и бросил на нее еще один взгляд. Его мембраны вспыхнули коротким, теплым оранжевым всполохом - цвет, который в моей базе данных ассоциировался с «заинтересованностью» или «привязанностью». Затем его фигура скрылась за дверью.

Лаборатория наполнилась привычными звуками: гул оборудования, тихое потрескивание голограмм. Но химический состав воздуха изменился. Теплый шлейф от Вэнс смешивался с едва уловимым сладким следом феромонов Зэврика. И мои собственные, строго контролируемые, теперь содержали устойчивую фоновую ноту.

Я вернулся к голограмме. Данные требовали упорядочивания. Логика требовала очистки от аномалий. Но одна мысль, иррациональная и навязчивая, продолжала циркулировать в фоновом режиме, подобно сбою в программе. Ее метод был ненаучен. Беспорядочен. Опасен. Но сегодня он сработал. А я, доктор Тораск из расы Кей'тан, чья жизнь бы-

ла подчинена порядку и предсказуемости, впервые за долгое время не мог предсказать, что произойдет завтра. И что самое тревожное - часть меня, та самая, что фиксировала аномальный выброс феромонов, не считала этот факт однозначно негативным. Это требовало изучения. Как и она сама.

Глава 3

Зэврик

Тораск, как и ожидалось, не оценил юмор. Он представил меня с той же интонацией, с какой объявлял бы о неисправности в гидравлике. «Сторонник интуитивных решений». Ха. Пусть думает так. Он вообще много о чем думает, этот ходячий компьютер. Иногда мне кажется, что за всей этой титановой скорлупой там просто пустота и тикающие шестеренки.

Но она - Элара - оценила. Я увидел это по едва заметному расслаблению в уголках ее глаз, по тому, как она чуть разжала зубы. Она повторила свою безумную теорию про «потерянный ритм», и я слушал. Ее слова вибрировали в воздухе, и в них была убежденность. Та же, что была у меня, когда я в первый раз взял в руки лазерный скальпель, не зная, как им пользоваться, но зная *точно*, что должен спасти это трепыхающееся существо на столе.

Идея с генератором пришла сама собой. Не думал. Увидел инструмент в голове и применил. Мой принцип. Тораск, конечно, завел свою шарманку про «риск» и «катастрофический резонанс». Иногда мне кажется, он просто боится любого действия, если оно не просчитано до десятого знака после запятой. Жизнь так не работает. Жизнь - это поток, и ты либо плывешь, либо тонешь. Сидеть и смотреть, как это пре-

красное, сложное существо превращается в ничто - вот это был бы настоящий грех. Мой народ, Ворнады, может многое простить, но бездействие в лицо чужой агонии - никогда. Наши мембраны мерцают от чужой боли, как предупреждение. Игнорировать его - все равно что отрезать себе часть души.

И тогда она снова сказала свое слово. Она знала, что может это сделать. И этот взгляд, эта тихая сила ударила меня сильнее, чем что-либо за последние циклы. Мои мембраны вспыхнули алым - цвет страсти, да, но не только телесной. Страсти к действию, к прорыву, к тому, чтобы разорвать этот болотный тупой порядок.

Я видел, как Тораск колебался. Настоящее, человеческое (ну, почти) колебание! Он взвешивал. Цифры против чутья. И черт возьми, чутье победило. Он кивнул. Дал ей доступ. Я затаил дыхание. Все свое нутро я вложил в один шепот: «Тише». Не ей. Всей вселенной. Чтобы дать ей пространство.

И она это сделала. Стояла там, прижав ладони к стеклу, лицо в гримасе концентрации, и ловила музыку. А я смотрел на нее и чувствовал что-то странное. Как будто ее дрожь передавалась мне по воздуху. Я не просто наблюдал. Я *болел* за нее. Дико, безрассудно. Хотел, чтобы у нее получилось. Не только ради пациента. Ради нее. Чтобы огонек в ее глазах не погас.

И когда она выдохнула - «три коротких, один долгий» - я обрадовался. Да. Именно так.

Тораск запустил генератор. Я уже чувствовал, как по краю

мембран ползет холодное, синее разочарование. А потом... Один крошечный кристаллик, самый ничтожный нарост, дрогнул и рассыпался в сверкающую пыль.

Это был самый прекрасный фейерверк, который я когда-либо видел.

«Есть контакт!» - вырвалось у меня, и мембраны вспыхнули ярким, ликующим золотом. Я не мог сдержаться. Это была победа. Не его цифр. Не моей грубой силы. Ее чутья. Ее связи с тем, что нельзя пощупать.

Тораск, конечно, не закричал «ура». Он просто скорректировал частоту, деловито, как будто так и было задумано. Но я видел. Видел, как напряглись мышцы у него на спине под униформой. Видел, как он внимательно смотрит на показания. Для него это было открытием куда более шокирующим, чем для меня.

Когда все закончилось и генератор замолчал, Элара стояла, бледная, и смотрела на нас. И сказала «спасибо». Одним словом, но таким теплым, что мне захотелось... Обнять ее? Толкнуть Тораска в плечо? Выть от восторга?

Я подошел к ней. Ближе, чем позволил бы протокол. Ближе, чем позволил бы здравый смысл. И я прошептал ей то, что чувствовал на самом деле, а не то, что положено говорить стажеру: «Добро пожаловать в сумасшедший дом, Элара. Держись крепче. С айсбергом спереди и со мной сзади - тебе будет нескучно».

Ее губы дрогнули в улыбке. Маленькой, усталой, но самой

настоящей. И это было лучше любой благодарности.

Я отошел, насвистывая первую мелодию, которая пришла в голову. Мои мембраны мягко пульсировали в такт, излучая глубокое, спокойное удовлетворение. Я чувствовал ее взгляд на своей спине. И чувствовал взгляд Тораска, холодный и аналитический, будто сканирующий этот момент на предмет нарушений. Черт с ним. Пусть сканирует.

Позже, в операционной, у меня был сложный случай с внутренним кремниевым кровотечением. Работа тонкая, как ювелирная. Каждый разрез - расчет, каждый импульс лазера - баланс между жизнью и мгновенной смертью. Я обожал это. Полное слияние с моментом, когда мир сужается до кончика скальпеля и трепещущей, чужой плоти под ним. Это был мой танец. Мой способ говорить с вселенной.

И обычно после такого я был на взводе. Адреналин требовал выхода - драки, выпивки, быстрой, жаркой связи с кем попало в темноте отсека для персонала. После смены я стоял под душем, и горячая вода смывала с меня чужую кровь и пыль, а в голове стоял один образ. Она. Ее лицо, когда она ловила тот ритм. Ее глаза, когда она сказала «спасибо». И ледяная, невозмутимая маска Тораска рядом с ней.

Странная, невозможная картинка. И от нее у меня в груди было не знакомое пустое жжение адреналина, а какое-то новое, теплое и тревожное чувство. Как будто я нашел два потерянных куска сложного механизма и вдруг осознал, что они могут быть частью одного целого. Частью чего-то боль-

шего.

Я вышел из душа, растер полотенцем серебристую кожу. Мембраны на руках, обычно утихающие после водных процедур, мерцали ровным, задумчивым синим. Я посмотрел на свое отражение в матовом металле стены. Не красавец. Не ученый. Обычный медик. А она... она была светом. Тонким лучом в этом царстве металла и боли.

Я выкинул полотенце в дезокамеру и потянулся за чистой униформой. Завтра будет новый день. Новые пациенты. Новые кризисы. И она там будет. И черт меня побери, но я впервые за долгое время ждал наступления завтрашнего дня не просто так. А с каким-то жадным, диким, совершенно неконтролируемым любопытством.

Пусть Тораск строит свои прогнозы. Некоторые вещи нельзя просчитать. Их можно только почувствовать. И я, как никто другой, это умею.

Глава 4

Элара

Сон не приходил. Вернее, он приходил, но был беспокойным и прозрачным, как дым. Я думала о кристаллическом Гурхане. О том, как его страх отступил, сменившись усталым покоем. Думала о Тораске - о его ледяном спокойствии и той едва уловимой трещине в нем, когда он сказал «имеет право на проверку». Думала о Зэврике. О его золотых, ликующих мембранах. О его шепоте: *«Держись крепче»*. От этих мыслей в груди было непривычно тепло.

Утренний вызов на экран-коммуникатор прозвучал как спасительный глоток. Новое дело. В приоритетах стояло одно слово: «Туманность». И координаты за пределами основного медицинского блока.

Я едва успела натянуть униформу и собрать волосы в хвост, как дверь в мою каюту с шипением отъехала. На пороге стоял Зэврик. Он был в стандартной темно-синей форме, которая оттеняла серебристый цвет его кожи. Его мембраны пульсировали спокойным, деловым голубым.

- Не выпалась, солнышко? - спросил он, оглядев мое, должно быть, помятое лицо. - Тораск уже там, щупает воздух своими сверхчувствительными... чем он там щупает. Пойдем, пока наше «облачко» не решило испариться окончательно.

Он развернулся и пошел, не дожидаясь ответа. Я поспешила за ним, чувствуя, как адреналин прогоняет остатки сна.

- Что за «Туманность»? - спросила я, едва дыша от быстрого шага.

- Официально - вид «Небесная сущность». Неофициально - большая головная боль. Энергетически-газообразная форма жизни. Представь облако с зачатками сознания. Обычно они держат форму за счет внутреннего... ну, назовем это, настроением. А наше - расплзается. Как если бы твои мысли начали разбегаться в разные стороны и ты не могла их собрать.

Его описание было настолько точной метафорой моего собственного состояния последних лет, что я невольно вздрогнула. Он заметил и бросил на меня быстрый взгляд, его мембраны вспыхнули любопытным оранжевым.

Мы вошли в большую, почти пустую камеру. Стекланный купол уходил высоко вверх. И посреди нее... парило *оно*.

«Туманность» была похожа на клубок переливающегося тумана размером с наземный автомобиль. Цвета в облаке постоянно менялись: от нежно-сиреневого к свинцово-серому, затем вспыхивали болезненными желтыми пятнами. Оно не имело четких границ - края расплзались, как дым на ветру, и снова собирались, будто в судорожной попытке удержаться. От него не исходило ни звука, ни запаха. Но была вибрация. Слабая дрожь в самом воздухе, которая заставляла мои зубы ныть. Тораск стоял у панели управления, уже по-

груженный в голограммы. В свете дисплеев его перламутровая кожа отливала синим. Он не обернулся.

- Показатели поля критичны, - произнес он, как будто продолжая начатый мысленный монолог. - Стандартные протоколы: подача ионизированной плазмы, электромагнитная стабилизация... - Он сделал едва заметную паузу. - Результата нет.

Я шагнула ближе к куполу, не касаясь его. И закрыла глаза. Это не было болью в привычном смысле. Это было... распадом личности. Я чувствовала, как «я» этого существа дробится на тысячи осколков. Каждый осколок тянуло в свою сторону: один - в сон, другой - в панику, третий - в полное, равнодушное забвение. Между ними зияли пустоты. Существо забывало, что оно - единое целое. Оно умирало психически.

- Оно... распадается, - выдохнула я, открывая глаза. Мир поплыл передо мной. Я прислонилась к стойке с оборудованием. - Не тело. Сознание. Оно забывает само себя. И боится.

Тораск медленно повернул голову.

- Прекрасное наблюдение, Вэнс. Но как его перевести в практическую плоскость? Мы не можем ввести ему «сыворотку целостности».

- Мы можем дать ему точку опоры, - раздался голос Зэврика. Он подошел к панели рядом с Тораском, его пальцы уже летали над сенсорами. - Если его собственная частота разболталась, дадим внешнюю, стабильную. Заставим резонанс.

нировать с ней. Как камертон.

- Его поле слишком нестабильно для синхронизации, - возразил Тораск. - Любое внешнее воздействие может окончательно его разорвать.

- А бездействие его уже разрывает! - Зэврик стукнул ладонью по панели, и его мембраны вспыхнули алым. - Смотри на графики, Тораск!

Они снова стояли друг против друга: Логика и Импульс. Напряжение висело в воздухе гуще, чем туман пациента. И странным образом, я чувствовала себя не между двух врагов, а между двумя полюсами одной машины. Которая сейчас давала сбой.

- А если... - мой голос прозвучал хрипло. Они оба обернулись. - А если не заставлять его резонировать с чем-то чужим? А... найти его собственную, исходную частоту. Ту, на которой оно родилось. И просто... напомнить.

Тораск смотрел на меня. Молчал.

- Гипотеза, - произнес он наконец. - Основанная на допущении, что у энергетической формы жизни есть некая «исходная частота», доступная для восприятия и воспроизведения. Доказательств нет.

- Зато есть она, - парировал Зэврик, кивая в мою сторону. Его взгляд горел. - И вчера это сработало. Давай, новенькая. Лови его душу. Мы настроим генераторы.

Мне пришлось отстраниться от них. От их спора, от их

энергии. Я отошла к самому куполу, повернулась к ним спиной и снова закрыла глаза. «Туманность» пульсировало перед моим внутренним взором хаосом разбегающихся искр.

«Успокойся, - подумала я, обращаясь не то к нему, не то к себе. - Вспомни. Кем ты был до того, как стал бояться?»

Я искала... цвет. Эмоцию. Ощущение целостности. Это было в тысячу раз сложнее. Это было как пытаться удержать воду в решете. Каждый раз, когда мне казалось, что я что-то чувствую, оно ускользало, растворяясь в общем вихре страха.

Я слышала за спиной приглушенный спор, щелчки интерфейсов. Потом шаги. Кто-то подошел совсем близко.

- Не зажимайся, - тихо сказал Зэврик. Он стоял прямо за моей спиной, не касаясь. - Ты пытаешься его понять. Не надо. Просто слушай. Как шум прибора. Найди основную волну.

Его голос был успокаивающим. И странное дело - его присутствие стало не помехой, а помощью. Я перестала пытаться зацепить. Просто открылась. Позволила хаосу «Туманности» проходить сквозь меня.

И тогда, в самой глубине этого вихря, я уловила едва тлеющий уголек. Что-то вроде... удивления. Чистое, наивное существование. Оно было слабым, почти задавленным, но оно было. И оно было стабильным. Как ровная нота.

- Вот... - прошептала я. - Оно... удивлено. Самому факту, что оно есть. Эта эмоция... она чистая. Она базовая. Частота... она высокая. Почти на грани ультразвука. И ровная.

Очень ровная.

Я открыла глаза и обернулась, чтобы передать данные. И забыла, что Зэврик стоит так близко. Я повернулась прямо в его объятия. Вернее, мое движение было таким резким, что я потеряла равновесие, и он инстинктивно подхватил меня за руку, чтобы я не упала.

Его пальцы обхватили мое запястье. Кожа его ладони была неожиданно теплой и слегка шершавой. И в тот же миг мембраны на его предплечье, там, где я могла их видеть, вспыхнули. Глубоким, теплым, бархатно-фиолетовым цветом. Цветом, которого я еще не видела. Он излучал волны... Нежности? Защиты?

Время остановилось. Всего на долю секунды. Я чувствовала биение его пульса у себя на запястье. Чувствовала, как моя собственная кровь ударила в виски. Потом он осторожно разжал пальцы, как будто отпускал редкую птицу. Его мембраны постепенно вернулись к спокойному синему, но в их глубине еще мерцали фиолетовые искры.

- Частота, - напомнил он хриловатым шепотом. - Ты говорила о частоте.

- Да, - выдохнула я, отводя взгляд. Лицо горело. - Высокая. Стабильная. Как чистый тон.

Я продиктовала приблизительные параметры Тораску. Он, не проронив ни слова, ввел их. Его пальцы двигались с гипнотической точностью. Он не смотрел на нас. Но я была почти уверена, что он все видел. Генератор гудел, изда-

вая звук. На голограмме поля «Туманности» ничего не менялось. Сердце упало.

- Увеличиваю амплитуду, - монотонно произнес Тораск.

И тогда расплзающиеся края энергетического облака дрогнули. Перестали расходиться. Один желтый, болезненный сгусток в центре начал медленно растворяться, замещаясь ровным, перламутрово-белым светом. Хаотичная вибрация в воздухе стала упорядоченной, ровной. Как тяжелое, усталое дыхание после долгого бега.

Оно не излечилось моментально. Но оно вспомнило. Вспомнило, как быть единым.

- Поддерживающий режим на сорок восемь часов, - заключил Тораск, выключая генератор. - Поле стабилизируется.

Зэврик выдохнул, и его мембраны вспыхнули коротким, сдержанным золотым. Он посмотрел на меня и подмигнул. Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Запястье, где он держал меня, все еще горело. Тораск подошел к выходу.

- Вэнс. Отчет к 18:00. Зэврик, у вас запланирована лапаротомия в десять. Не опаздывайте.

Он ушел.

- Ну что, - сказал Зэврик, глядя на успокаивающуюся «Туманность». - Два из двух. Начинаешь меня пугать, солнышко.

- Я не пугаю, - пробормотала я.

- О, еще как. - Он повернулся ко мне, и его лицо стало серьезным. - Ты меняешь правила игры. И ему это не нравится. - Он кивнул в сторону двери. - А мне... мне интересно, к чему это приведет.

Он не стал ждать ответа. Прошел мимо, и его плечо снова слегка коснулось моего. На этот раз - намеренно.

- До вечера, Элара.

Я осталась одна в камере с существом, которое медленно собирало себя по кусочкам. Я подняла руку, посмотрела на свое запястье. Никакого следа. Но ощущение его пальцев, и того странного, фиолетового свечения... оно впилося в сознание.

Приглашаю в космическую захватывающую новинку!

СИрения "Звездные грани страсти"

<https://litnet.com/shrt/l-94>

СИРЕНИЯ

ЗВЕЗДНЫЕ

В Космическую академию отбирают только лучших студентов галактики. Три интерна оказываются вместе в мобильной группе, отправляясь на опасные миссии спасения, где каждый шаг может стать последним. Между медицинскими задачами и жизнью на грани они открывают друг для друга сверкающие грани страсти. Любовь троих пылает среди звёзд. Когда на кону — жизнь целой галактики, любовь становится силой, способной изменить всё...

Глава 5

Тораск

Утром, прежде чем отправиться в лабораторию, я трижды пересмотрел данные по случаю Кристакса. Цифры были неопровержимы: жизненные показатели колонии выросли на 34%. Вероятность такого исхода при применении стандартных протоколов стремилась к нулю. Ее метод, ее «чувствование» ритма, было ключевой переменной. Я добавил это наблюдение в отчет. Слово «эмпатия» не использовал. Вместо этого написал: «Нестандартный сенсорный анализ, приведший к положительному результату».

Это была правда. Но не вся. Пока я писал, внутренний мониторинг снова зафиксировал фоновую активность. Слабую, но устойчивую. Как навязчивую мелодию, которую нельзя выключить. Источником был не пациент. Источником были мои собственные воспоминания. Воспоминания о ее лице, когда она говорила о «страхе камня». О том, как она не отступила под моим скептицизмом. О том, как Зэврик...отреагировал на нее.

Новый вызов касался случая «Туманности». Я прибыл в камеру первым. Существо парило под куполом, и даже без сканеров было видно: оно умирало. Его поле было похоже на разбитое зеркало, осколки которого медленно уползают в темноту.

Я запустил диагностику. Графики подтверждали наблюдение: связи, державшие сознание существа в целостности, рвались. Стандартные процедуры не помогали. Они были как попытка склеить туман. И тогда пришла Элара. И Зэврик.

Она выглядела бледной, невыспавшейся. Волосы были собраны небрежно. Зэврик шел рядом с ней, что-то быстро объясняя, и она слушала, широко открыв глаза. В этом взгляде был не страх, а жадное любопытство.

Я коротко изложил ситуацию, намеренно используя простые формулировки. Чтобы четко обозначить границы невозможного. И снова она шагнула вперед. Закрыла глаза. И погрузилась в то, что нельзя было измерить.

Я наблюдал. Ее лицо искажалось, дыхание становилось прерывистым. Она не просто стояла - она боролась. С чем? С хаосом? С пустотой? Мои сканеры молчали. Они фиксировали лишь ее учащенный пульс и повышенный уровень кортизола. Стресс. Все.

Она заговорила. Слова были странными, почти поэтичными: «распадается... забывает само себя... боится этой пустоты». Но в них была неопровержимая точность. Она описала не симптомы, а суть. Ту самую суть, которую мои графики показывали зубцами и пиками, но никогда - смыслом.

Зэврик, как всегда, отреагировал мгновенно. Предложил прямое решение -заставить резонировать. Его подход был подобен удару кулаком по треснувшему стеклу в надежде,

что оно встанет на место. Иногда это срабатывало. Чаше - нет.

Я указал на риск. Не для спора. Для протокола. И снова она нашла третий путь. Не мой. Не его. Свой.

- Найти его собственную, исходную частоту... просто на-
помнить, - сказала она.

Это было безумием. Как найти «исходную частоту» обла-
ка? Как «напомнить» туману, что он - туман? Но я молчал.
Потому что вчерашние 34% висели в воздухе невидимым,
но весомым аргументом.

Зэврик взорвался энтузиазмом. «Давай, новенькая. Лови
его душу». Он верил в нее. Слепо, безоговорочно. Это раз-
дражало. И... притягивало. Его вера была такой же силой,
как и мой скепсис.

Она отошла, отгородившись от нас. Я видел, как ее пле-
чи напряглись. Хаос «Туманности» был слишком аморфен,
слишком лишен опорных точек для ее дара. И тогда Зэв-
рик сделал нечто... непрофессиональное. Он подошел к ней.
Встал слишком близко. Нарушил стандартную дистанцию. И
заговорил. Не как коллега. Как... Друг?

- Не зажимайся... Просто слушай. Как шум прибоя.

Его голос был тихим, настойчивым. И я видел, как ее спи-
на под этим голосом расслабилась. Не полностью. Но доста-
точно. Он стал для нее точкой опоры в море чужих эмоций.
Иррационально. Неэтично. Эффективно. В моей груди что-
то кольнуло. Остро и неприятно. Я не дал этому чувству име-

ни. Просто зафиксировал физиологическую реакцию.

И она сделала это. Поймала в этом хаосе что-то - «удивление», сказала она. «Чистую, базовую эмоцию». И дала параметры. Я ввел их. Запустил генератор. Ожидал провала. И снова произошло маловероятное. «Туманность» отозвалась. Не сразу. Не ярко. Но она перестала расползаться. Ее поле стабилизировалось. Она вспомнила, как быть целой. Ее сознание, разлетевшееся на осколки, начало медленно стягиваться обратно. Это была первая помощь. То, что я считал невозможным. Я отдал распоряжение о поддерживающем режиме. Мои слова звучали привычно, сухо. Внутри же бушевал тихий ураган.

И в этот момент я увидел то, что не должно было произойти. Она обернулась к Зэврику, потеряв равновесие. Он схватил ее за руку. Пальцы обхватили запястье. И мембраны на его руке вспыхнули цветом, которого я никогда у него не видел. Глубоким, теплым фиолетовым. Длилось это мгновение. Она вырвала руку. Но картина врезалась в память с четкостью голограммы: ее бледное, растерянное лицо. Его пальцы на ее коже. И этот немой, светящийся диалог между их телами, который не требовал слов.

Я резко отвел взгляд на панель управления. Сделал вид, что ничего не заметил. Но заметил все. И это «все» вызвало во мне реакцию, которую я не мог контролировать. Это был не выброс феромонов. Это было нечто более примитивное. Глухой удар под диафрагму. И следом - тяжелая волна, кото-

рую моя раса называла бы «нарушением порядка». А другие расы могли бы назвать ревностью. Я подавил и то, и другое.

Они обменялись парой слов. Он ушел, намеренно коснувшись ее плечом. Она осталась, глядя ему вслед. Я тоже ушел. Мне нужно было пространство. Порядок.

Вернувшись в свою лабораторию, я не стал анализировать данные «Туманности». Я сел и уставился в стену. Два случая. Два невозможных случая, где ее необъяснимый дар дал результат там, где наука бессильна. Вероятность случайного совпадения стремительно падала. Но дело было не только в этом.

Дело было в том, как она меняла... атмосферу. Как своим присутствием она заставляла Зэврика быть не просто виртуозом, а... сосредоточенным партнером. Как она заставляла меня сомневаться в догмах. И дело было в том фиолетовом свете.

Я поднял руку, разжал ладонь. Моя кожа переливалась ровным, холодным перламутром. Я не мог излучать свет. Мои эмоции были химией, невидимым облаком. Иногда - слишком сильным. Иногда - как сейчас, - смесью из интереса, раздражения и чего-то третьего, беспокоящего. Я был создан для логики. Для порядка.

Она принесла с собой шум. Хаос чувств. И свет. А он... он был проводником этого света. Его усилителем. И мы оба, каждый по-своему, тянулись к ней. Я - чтобы понять, разобрать на части, классифицировать. Он - чтобы... почувство-

вать. Ощутить. И она, похоже, тянулась к нам обоим.

Мысли шли по кругу, не приводя к выводам. Только к новым вопросам. К новому, навязчивому желанию наблюдать. Собирать данные. Но не о пациентах. О ней. О нас. Это было непрофессионально. Некорректно. Но когда я представил, что завтра она может не прийти в лабораторию, что ее могут перевести в другой сектор...тяжелая волна накатила снова, сильнее.

Я встал, резко распрямив спину. Нет. Этого не должно произойти. Она была... переменной. Ее нужно было изучать. Для науки. Для эффективности работы. Да. Именно так.

Я подошел к коммуникатору, чтобы вызвать ее для формального брифинга по случаю «Туманности». Моя рука на секунду замерла над панелью. Я вспомнил ее усталое лицо. Как она потеряла силы после контакта. Ей нужен был отдых. Данные могли подождать. Я опустил руку. Не стал вызывать.

Вместо этого я активировал запись своего голоса для ежедневного отчета. Говорил ровно, четко. В конце, после всех сухих фактов, добавил: «...Работа стажера Вэнс продолжает демонстрировать уникальную эффективность в случаях, связанных с психосоматическими и ментальными патологиями негуманоидных видов. Рекомендую закрепить ее за нашим отделом на постоянной основе для дальнейшего изучения и применения ее методик».

Я отправил отчет. И почувствовал не удовлетворение, а странную, глухую тревогу. Как будто я не просто подал слу-

жебную записку. А сделал первый, необратимый шаг. В чем-то, чего моя логика еще не могла просчитать.

За окном моей лаборатории проплыла капсула с пациентом. «Пангенезис» жил своей жизнью, полной боли и надежды. А я стоял посреди безупречно чистого помещения и чувствовал, как во мне, в самом моем центре, где всегда царил порядок, появляется первая, едва заметная трещина. И сквозь нее упрямо пробивался теплый, беспокойный свет.

Новинка от коллеги

<https://litnet.com/shrt/aW71>

ОНА УМЕЛА ТО
НО ЛЮБОВЬ П
ЕЕ ПРИОРИТЕТ

#космическая ф

#многомужеств

Глава 6

Зэврик

Я любил ночные смены на «Пангенезисе». Тишина. Спокойствие. И ни одного начальника под ногами, который бы ворчал на мои методы. Идеальное время для творчества.

Поэтому, когда в два часа ночи на экране вспыхнул тихий, но настойчивый вызов из оранжереи, я только усмехнулся. Собирался уже идти, как вдруг вспомнил про новенькую. В ее каюте светился огонек. Сомневался секунду, но потом подумал: почему бы и нет? Пусть посмотрит на настоящую работу, а не на совещания с Тораском.

Постучал. Дверь открылась сразу, будто она ждала. Выглядела она, мягко говоря, не очень. Глаза красные, на лице - следы бессонницы.

- Не спится? - спросил я.

- Шум... - она мотнула головой в сторону коридора. - Все время какой-то шум в голове.

- Ага, знакомо. У новичков так бывает. - Я кивнул на экран у нее в каюте. - Пойдем, отвлечешься. Поступило интересное дело. Растение.

Ее глаза тут же загорелись любопытством. «Любопытство» - отличная прививка от тоски. Я это знал.

По дороге в оранжерею я вкратце объяснил суть. Пациент - «Кейла», разумный цветок с планеты Вердантис. Он впал в стазис, перестал реагировать на свет и почти не двигает листовыми отростками. Местные ботаники ломали голову.

- И что с ним? - спросила Элара.

- Тоска, - пожал я плечами. - У них там, на Вердантисе, все корнями сплетены в одну большую сеть. А он здесь один. Оторванный кусок. Заскучал и решил, что проще увянуть.

Мы вошли в оранжерею. Это было мое любимое место на станции. Высокий, прозрачный купол, под которым мерцали тысячи огоньков - био-лампы, имитирующие спектр разных звезд. Воздух здесь был густым, влажным, пахло землей, гнилью и жизнью одновременно. Вдоль стен вились лианы с листьями размером с мою ладонь, в углах журчали маленькие водопады - система автоматического полива. Но главное... главное было в центре. Посреди этого зеленого царства на специальном подиуме стоял Он. Стебель был толщиной с руку взрослого мужчины, покрытый корой, которая переливалась как чешуя дракона - от бронзового до фиолетового. По всей длине тянулись тонкие, светящиеся прожилки, сейчас почти погасшие. Бутон... он был размером с человеческую голову, тяжелый, поникший почти до земли. Лепестки, плотные и мясистые, свернулись в тугую, болезненный комок. Края лепестков подсыхали, приобретая коричневый, мертвый оттенок. От всего растения исходил слабый, горь-

коватый запах - запах увядания.

- Красавец, правда? - сказал я, подходя ближе.

- Он... он так грустит, - прошептала Элара, даже не закрывая глаз.

Я кивнул. Все сходилось.

- Стандартный протокол - усиленное освещение, обогащенная почва, гормоны роста. Не помогает. Ему не еды не хватает. Ему связине хватает.

Я уже знал, что собираюсь делать. Рискованный план пришел мне в голову еще днем, когда впервые просмотрел его историю болезни. Нужно было перенаправить потоки энергии внутрь его прожилок, по которым тек сок. Сделать надрез в энергетических каналах, чтобы встряхнуть его систему и заставить вспомнить о жизни. Это было тонко, как работа с нейронами, только вместо скальпеля - сфокусированный луч ультрафиолета.

- А что, если... - начала Элара.

- Да, - перебил я, улыбаясь. - Именно «что, если». Будешь ассистировать? Мне нужны твои глаза со стороны. Чтобы следили за общими показателями, пока я ковыряюсь в его ауре.

Она кивнула, решительно. Мне это понравилось.

Процедура была долгой и требовала предельной концен-

трации. Я работал с излучателем, аккуратно направляя невидимые лучи в определенные точки на стебле. Элара следила за голограммами жизненных показателей, изредка подавая тихие команды: «Там всплеск... сейчас затихло... осторожнее, частота дрожит».

Мы работали молча, почти на ощупь, в странном, интуитивном тандеме. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что полностью доверяю ее подсказкам. Она чувствовала пациента иначе, но ее чувства были точными, как сенсоры.

И это сработало. Через час самый верхний лепесток дрогнул и медленно, лениво развернулся навстречу искусственному солнцу оранжереи. Потом еще один. По стеблю побежала слабая, но уверенная волна золотистого свечения - признак оживающего фотосинтеза.

- Да! - выдохнул я, отставляя излучатель. Мои мембраны, которые все это время пульсировали сосредоточенным синим, вспыхнули ярко-зеленым - цветом победы.

Мы стояли, наблюдая, как «Кейла» просыпается. Воздух наполнился легким, цветочным ароматом, которого раньше не было.

- Спасибо, - сказала Элара тихо, не глядя на меня.

- За что? Мы же работали вместе.

- Нет... Я не об этом. - Она обернулась. - Спасибо, что позвал. И что... не сомневался.

Я пожал плечами, делая вид, что это ерунда.

- Да ладно. Просто ночь была скучная. Хотелось компании.

Она рассмеялась.

Мы вышли в коридор. Было уже под утро.

- Знаешь, - сказал я неожиданно для себя, глядя куда-то в пустоту перед собой. - Я ведь сюда сбежал.

Она посмотрела на меня с удивлением.

- Сбежал?

- С родной планеты. У нас... как бы это сказать... все должны быть одинаковыми. Спокойными. Рациональными. А я... - Я развел руками, и мои мембраны на мгновение вспыхнули смущенным розовым. - Я всегда был бракованным. Слишком громким. Слишком импульсивным. Здесь, на «Пангенезисе», мой «брак» оказался востребован. Потому что иногда, чтобы спасти жизнь, нужно не просчитать, а рвануть. Поняла?

- Поняла, - кивнула она. - Здесь много таких. Сбежавших. Или нашедших себя.

- Да, - согласился я. - И знаешь что? Мне начинает казаться, что ты - не случайность. Не просто стажер. Ты... недо-

стающий кусок. Для нас.

Я не стал уточнять, кто «мы». Думаю, она и так поняла. Мы дошли до развилки. Ей - налево, мне - направо.

- Иди спать, солнышко, - сказал я, слегка подталкивая ее в сторону каюты. - Завтра будет новый день. Новые пациенты. Новые головные боли.

- Спасибо, Зэврик, - повторила она. - За все.

Я махнул рукой и пошел своим путем. По спине бежали приятные мурашки. Усталости как не бывало.

Вернувшись к себе, я долго не мог заснуть. В голове крутились образы: поникший бутон, оживающий под лучом... и ее глаза, когда она сказала «спасибо». Тораск, со своей вечной логикой, никогда бы не понял этого чувства. А я понимал. Может, в этом и есть смысл всей этой нашей сумасшедшей станции? Не просто лечить. А находить друг друга. Собирать по кусочкам, как пазл. Растения, люди, ледяные глыбы и горячие головы. Мембраны на моих руках тихо светились в темноте теплым, задумчивым золотом. Завтра будет интересно.

Глава 7

Элара

После ночи в оранжерее с «Кейлой» я думала, что смогу наконец выдохнуть. Но стоило голове коснуться подушки, как все началось заново. Только теперь это было не снаружи, а изнутри. Закрывала глаза - и видела вспышки. Чужая боль, которую я впустила за день, не ушла. Она осела где-то в глубине, как осадок. Тоскливая пустота «Кейлы», холодный распад «Туманности», тихий, скрипучий страх Кристакса - все это кружилось в голове каруселью.

Я встала. Вышла из своей комнаты. «Это просто адаптация», - твердила себе. Но логика не помогала. Потому что это было не в голове. Это было в области солнечного сплетения. Тяжелый комок тревоги, который мешал дышать.

Коридоры ночной станции были пустынными и казались бесконечными. Я шла, не зная куда, просто пытаюсь уйти от самой себя. Но куда ты убежишь с космической станции? В итоге ноги сами принесли меня в пустую лабораторию недалеко от моего отсека. Села на стул в углу, обхватила голову руками и просто сидела, пытаюсь сжать этот внутренний вихрь в кулак. Бесполезно.

Не знаю, сколько прошло времени. я услышала шаги только когда дверь уже отъехала. Подняла голову. В проеме, освещенный голубоватым светом аварийных ламп, стоял То-

раск. Он не выглядел удивленным. Он просто смотрел на меня своими ртутными глазами, оценивающе, как всегда. На нем не было медицинской униформы, только простой темный комбинезон. Казалось, он даже не спал.

- Вэнс, - произнес он ровным голосом. - Вы нарушаете режим.

- Я... не могла уснуть, - выдавила я.

- Это очевидно.

Он вошел, дверь закрылась за ним. Он не спросил «что случилось». Он подошел к панели управления, и через секунду в лаборатории загорелся мягкий, теплый свет, а не резкие основные лампы.

- Перенапряжение нервной системы на фоне сенсорной перегрузки, - констатировал он, подходя ближе, но не слишком. - Проще говоря, ваш «приемник» не выключается.

- И как его выключить? - спросила я, и в голосе прозвучала отчаянная мольба.

- Его нельзя выключить, - ответил он просто. - Можно научиться фильтровать. Или найти точку, на которую можно перенести сознание.

Он повернулся, подошел к репликатору пищи у стены. Через мгновение вернулся с двумя керамическими кружками. В них дымился чай. Он протянул ее мне.

- Пейте. Медленно. Температура и ритмичное действие помогут перезагрузить мозговые и нервные циклы.

Я взяла кружку. Она была почти горячей. Сделала маленький глоток. Обжигающая жидкость обожгла язык и медленно разлилась теплом по груди, достигая того самого не уходящего комка. Он дрогнул.

Тораск сел на стул напротив, через стол. Он не пил свой чай, просто держал кружку в руках, как будто это был научный образец.

- Зэврик сообщил об успешной стабилизации образца «Кейла», - сказал он после паузы. - Он отметил вашу помощь как... ценную.

Я устала в свой чай.

- Я ничего особенного не делала. Просто смотрела на графики.

- Вы были точкой калибровки, - поправил он. - Его методы импульсивны. Ваше присутствие добавляло ему необходимую фокусировку. Это полезный синергетический эффект.

Я подняла на него глаза. Он смотрел на меня... как на коллегу. Как на часть системы, которую он изучает и пытается оптимизировать. Он не ждал от меня слез или исповедей. Он видел сбой в работе и предлагал решение.

- А у вас... бывает так? - спросила я неожиданно для себя. - Когда все слишком?

Он задумался на секунду. Или просто обрабатывал вопрос.

- Моя раса контролирует нервные импульсы на химическом уровне, - ответил он. - Но контроль не абсолютен. Бывают... перегрузки. Обычно они связаны с нарушением внутреннего равновесия. Слишком сильным или слишком долгим внешним стимулом.

- И что вы делаете? - прошептала я.

- Нахожу точку опоры, - повторил он. - Что-то постоянное, неизменное, что можно наблюдать. Ритм. Алгоритм. Звездную карту. Или... тишину.

Он отпил, наконец, глоток из своей кружки. Движение было таким же экономным и точным, как все, что он делал. Мы замолчали. Он наблюдал за мной, но не так, чтобы было неловко. Скорее, как врач следит за показателями пациента. И это, опять же, было... нормально. Безопасно. Внутренний вихрь постепенно утихал. Комок в животе рассасывался, сменяясь простой усталостью. Я поставила пустую кружку на стол.

- Спасибо, доктор Тораск.

- Просто Тораск, - поправил он. - Вне служебного времени это допустимо. И вам следует отдыхать. Завтрашний график насыщен.

Он встал. Я тоже поднялась.

- Тораск, - сказала я, уже у двери. - А что... что является

вашей точкой опоры сейчас?

Он снова посмотрел на меня. И в его ртутных глазах, в их абсолютно ровной, холодной поверхности, я на секунду увидела нечто вроде... сложного, глубокого раздумья.

- Наблюдение, - ответил он наконец. - За развивающейся ситуацией. Она содержит достаточно постоянных переменных, чтобы быть предсказуемой, и достаточно новых данных, чтобы быть... интересной.

Он имел в виду наш отдел. Нас. Меня и Зэврика. И себя в этой новой конфигурации.

- Спокойной ночи, Элара, - сказал он.

- Спокойной ночи.

Я вышла в коридор. Тревога ушла, оставив после себя легкость и странное понимание. Мы все такие разные, и в то же время, у нас столько общего. Но, возможно, именно так и должен работать «Пангенезис». Как убежище для тех, чьи изъяны, сложенные вместе, как кусочки разбитой вазы, могут сложить что-то новое. Что-то целое.

Следующий день действительно был насыщенным. Но комок тревоги в животе так и не вернулся. Внутри было спокойно, и... надежно.

Глава 8

Тораск

В моем календаре утро было помечено как «плановый осмотр: Гурхан, особь 7-дельта». Я предпочитал такие дела. Известный вид, изученная патология, четкий протокол. Никаких неожиданностей вроде стажеров, чувствующих тоску растений.

Гурханы - массивные, похожие на медлительных, кристаллических ежей существа. Их тело - живой камень, способный к росту и регенерации. Патология у этой особи была классической: ускоренная, беспорядочная кристаллизация. Колючки на ее спине, обычно гладкие и полупрозрачные, покрылись тусклыми, хрупкими наростами, будто их обрызгали грязным известковым раствором. Она лежала в своей камере, почти не двигаясь.

Я запустил ультразвуковой сканер, произвел забор образцов, провел капельницы стабилизирующего раствора. Данные появлялись на экране. Все было... в норме. Уровень кремния, электролитный баланс, активность нейронов - все соответствовало параметрам здоровой особи. Но кристаллизация продолжалась. Логического объяснения не было.

Дверь открылась. Я не обернулся, но понял, что вошли они оба.

- Ух ты, - услышал я голос Зэврика. - Наш ежик совсем

заскучал. Что с ним, айсберг? Переел мела?

Я кратко изложил ситуацию: патология есть, физиологической причины нет.

- Значит, причина не в теле, - тут же заключил Зэврик, подходя к стеклу. - У него, наверное, депрессия. Камни ведь тоже грустят.

Он говорил это с полной серьезностью. Я уже собирался указать на антропоморфизм, как вдруг заметил Элару. Она не смеялась над его шуткой. Она смотрела на Гурхана, и ее лицо было печальным.

- Не депрессия, - тихо сказала она. - Тоска. Глубокая, старая...

«Тоска» не была диагностическим параметром. Но ее слова снова описывали наблюдаемый эффект: существо замирало, закрывалось, превращалось в статую. Оно уходило от мира. Почему?

Я быстро вызвал историю болезни. Гурхан поступил шесть стандартных циклов назад после небольшого обвала пород на его родной планете. Физические повреждения были вылечены. Но его семья... данные были неполными. Я отправил запрос в биологический архив.

Ответ пришел через минуту. Гурханы - социальные существа. Они общаются через звуковые вибрации и... сложные сочетания феромонов, которые выделяют через поры в кристаллах. Этот гурхан был изолирован. Он не просто скучал. Он был лишен своего языка. Своего способа «говорить». Он

молчал. И от молчания каменел. Зэврик прочел данные через мое плечо.

- Вот видишь! - воскликнул он. - Я же говорил. У него душа болит. Значит, надо с ним поговорить.

- На каком языке? - спросил я. - Наши генераторы такого звука не воспроизводят. И у нас нет образцов феромонов его семьи.

Наступила тишина. Мы смотрели на грустное, каменеющее существо. Оно было обречено на тихую смерть из-за одиночества, которое наша продвинутая медицина не считала болезнью.

Мой народ, Кей'таны, не разговаривает феромонами так, как гурханы. Но мы используем их. Для самоконтроля. Для обозначения статуса. Для... передачи простейших состояний: спокойствия, тревоги, сосредоточенности. Это был риск. Безумный, ненаучный риск. Применение моих собственных химических сигналов на чужом виде могло вызвать что угодно - от агрессии до анафилактического шока.

- Есть одна возможность, - нерешительно сказал я.

Они оба посмотрели на меня.

- Моя биохимия несовместима с пациентом, - начал я объяснять, но Зэврик перебил.

- Ты хочешь попробовать свои штучки? - Он свистнул. Его мембраны вспыхнули азартным оранжевым. - Браво, айсберг! Решился на эксперимент!

Элара не сказала ничего. Она просто смотрела на меня с доверием. Как будто она уже знала, что я это сделаю. Этот взгляд стал решающим аргументом.

- Нужно создать нейтральную среду, - сказал я, обращаясь уже к себе, и мои руки сами потянулись к панели управления. - Снизить вязкость воздуха, настроить систему циркуляции... Минимальная концентрация. Сначала один компонент: сигнал спокойствия, отсутствия угрозы.

Я отдавал команды, и оборудование послушно гудело. В камере гурхана воздух заструился. Я сосредоточился. Контроль. Точность. Нужно было не просто выпустить облако. Нужно было создать постоянный, ровный фон. Как тихую, незнакомую музыку.

Я отпустил контроль над одной-единственной, строго определенной группой феромонов. Тех, что отвечали за спокойствие. Ничего не происходило. Гурхан лежал неподвижно.

- Увеличиваю концентрацию на пять процентов, - пробормотал я.

И тогда один из тусклых наростов на спине существа... дрогнул.

- Есть контакт! - прошептал Зэврик.

Элара улыбнулась.

Я продолжал. Добавил еще один компонент - сигнал стабильности, постоянства. Еще один нарост дрогнул. Потом третий. Камень оживал. Откликался. Существо наконец-то

получило хоть какой-то, пусть чужой, ответ на свое молчаливое отчаяние. Процесс был медленным. Но через двадцать минут несколько маленьких, острых кристалликов на кончиках здоровых колючек засверкали чуть ярче. Это был знак. Его тело начало понемногу возвращаться к нормальному циклу.

Я выключил систему, восстановив полный контроль. Внутри все дрожало от непривычного напряжения. Я сделал что-то, что не мог просчитать. Я руководствовался не данными, а... догадкой. Сочувствием.

- Поддерживающая терапия, - сказал я, и голос снова стал ровным. - Постоянный фон низкой интенсивности. Потребуется недели, но тенденция положительная.

Я обернулся. Зэврик смотрел на меня, и его мембраны светились теплым, глубоким синим.

- Неплохо, - коротко сказал он. - Для первого раза. Элара подошла ближе.

- Спасибо, Тораск.

Я кивнул, избегая ее взгляда. Мне нужно было остаться одному. Осмыслить. Они ушли, обсуждая что-то на ходу. Я остался в лаборатории, глядя на гурхана, который теперь спал более естественным сном.

Я всегда верил, что логика и порядок - единственные надежные инструменты во вселенной. Сегодня я использовал

нечто иное. Иррациональное. И это сработало.

Я поднял руку. Моя кожа переливалась обычным перламутром. Но внутри все было иначе. Я не просто вылечил пациента. Я пересек черту. И мир не рухнул. Он... изменился. Стал сложнее. Интереснее.

И я понимал, что следующий шаг будет не назад, к старым догмам. А вперед. Туда, где среди голограмм и данных будет место для грусти и теплого свечения.

Приглашаю в горячую новинку от Алены Червоной и Вики Пламя

"Красный код. Мужья для доктора"

<https://litnet.com/shrt/10-1>

Глава 9

Зэврик

Дело пришло на мой персональный канал глубокой ночью. Внутреннее кремниевое кровотечение. Если его не остановить в течение часа, существо превратится в хрустальную статую - красиво, но безжизненно. Я был уже в операционной, когда туда вбежала Элара. Ее вызвали на подмогу, и она выглядела бледной, но собранной.

- Что делаем? - спросила она, тут же надевая стерильные перчатки.

- Операция, только вместо мяса - кристаллическая решетка, - коротко объяснил я, уже настраивая лазерный скальпель. - Нужно найти источник утечки и запаять его импульсом ультрафиолета. Одно неверное движение - и трещина пойдет дальше. Тебе придется чувствовать его... ауру, что ли. Подсказывать, где давление падает, а где кристаллическая структура вот-вот лопнет. Готова?

Она только кивнула, ее глаза стали темными, сосредоточенными.

Пациент лежал на столе, похожий на груды переливающихся темных кристаллов. Из трещины в его «боку» сочилась густая, серебристая жидкость - его «кровь», расплавленный кремний, который на воздухе тут же застывал хрупкой коркой.

Операция была танцем на лезвии. Каждый разрез я делал наощупь, буквально чувствуя сопротивление материала через инструмент. Я направлял луч, а она, стоя у мониторов с сенсорами, тихо комментировала:

- Левее... чуть-чуть. Там напряжение... Да, вот. Теперь медленнее, структура дрожит.

Я доверял ее тихим «стоп» и «далее» больше, чем зеленым линиям на экране. Мы работали в полной тишине, нарушаемой только жужжанием оборудования и нашим дыханием. В какой-то момент луч дрогнул - моя рука устала. Микроскопическая трещина побежала от места разреза.

- Стоп! - почти крикнула она. - Назад! На два миллиметра!

Я отвел луч, сердце гулко стучало в ушах. Еще секунда - и было бы поздно.

- Сейчас... сейчас заживет, - прошептала она, наблюдая за показателями. - Давай с другой стороны.

Мы нашли источник. Крошечный скол в глубоком слое. Я сделал ювелирный, точечный импульс. Серебристое сочение прекратилось. Поле пациента стабилизировалось, приняв ровное, слабое свечение.

- Все, - выдохнул я, отставляя инструмент. - Готово.

Мы стояли, смотря на спасенное существо. Адреналин, который держал нас в напряжении последний час, разом хлынул в кровь, оставляя после себя легкую дрожь. Я обернулся к ней. Она тоже смотрела на меня, снимая перчатки. Лицо ее было мокрым от пота, но глаза горели.

Без единого слова я взял ее за руку и повел из операционной. Она не сопротивлялась. Я завел ее в ближайшую пустую комнату для отдыха персонала - маленькую, с диваном и видом на звезды в иллюминаторе.

Дверь закрылась, и тишина стала абсолютной. Мы стояли, прижавшись спинами к створкам, и просто смотрели друг на друга, переводя дух. Воздух между нами трещал от разрядившейся энергии.

- Ты... ты была невероятна там, - прошептал я.

- Ты тоже, - выдохнула она.

Слова исчезли. Я наклонился и прижался губами к ее губам. Она ответила мне с той же силой. Мы сползли со двери на пол, не разрывая поцелуя. Я срывал с нее униформу, она торопливо расстегивала мою. Нам нужна была кожа. Тепло. Когда последняя предательская ткань упала на пол, я оторвался, чтобы посмотреть на нее. Она лежала освещенная только мерцанием звезд из иллюминатора. Ее тело было бледным, тонким. Оно дышало быстро. Я видел, как бьется пульс у нее на шее. Она была самой красивой, из всех женщин которых я видел.

- Зэврик... - прошептала она.

Я опустился рядом, касаясь ее сначала только ладонями. Провел руками от ее щиколоток вверх, чувствуя, как под кожей вздрагивают мышцы. Мои мембраны излучали теплое, золотисто-розовое сияние, которое озаряло ее кожу мягким

светом.

Я целовал ее. Плечо. Точку между грудями, где стучало ее сердце. Она издавала тихие, прерывистые стоны, ее пальцы впивались мне в спину, скользили по мембранам, и от каждого прикосновения по моей коже бежали мурашки, а свет становился ярче.

Я опустил ниже, проводя губами по ее животу. Он был плоским, напряженным, и каждый мой вдох заставлял мышцы под кожей сокращаться. Я поцеловал ямочку пупка - ее стоны стали громче, но она все еще пыталась сдерживаться.

- Не надо, - прошептал я, убирая ее руку. - Пусть слышат звезды.

Я коснулся губами ее лобка - она резко, судорожно втянула воздух, и ее бедра сжались по бокам от моей головы. Провел языком по складочкам ее плоти, и она застонала, всем телом подаваясь навстречу. Я слышал ее дыхание - как оно сбивалось с каждым движением моего языка. Она начала двигаться - в такт моим ласкам, и я почувствовал, как ее внутренние мышцы пульсируют, сжимаются.

Тогда я поднялся над ней. Элара смотрела на меня затуманенными глазами, ее губы были приоткрыты, щеки горели. Она протянула руку и провела кончиками пальцев по моей мембране - от груди до низа живота. От этого прикосновения меня пронзило током, и я услышал, как сам застонал. Ее пальцы скользнули ниже, обхватили меня, и я на секунду прикрыл глаза, чувствуя, как мир сужается до точки ее при-

косновения.

- Я хочу тебя, - прошептала она.

Я не терялся и вошел в нее. Она обвила меня ногами, и я ощутил, как все внутри меня сжимается, а потом разливается волной такого безумного, абсолютного счастья, что мир перестал существовать. Она была горячей внутри - почти невыносимо, и влажной. Я закрыл глаза и сосредоточился только на этом ощущении - на том, как она движется под мной, как ее бедра ударяются о мои, как ее дыхание смешивается с моим, как ее стенки сжимают мою плоть. Затем ускорился, целуя ее, впиваясь губами в ее шею, и в тот миг, когда она вздрогнула и вскрикнула, тихо и пронзительно, отпустил и себя, позволив волне накрыть с головой. Мир на секунду погас - остались только ее руки на моей спине, ее дыхание у моего уха и этот пульсирующий оргазм, который поглотил нас обоих.

Я не отпускал ее. Звезды за окном медленно плыли. Она провела пальцами по моей мембране, которая теперь мягко светилась синим.

- Это что значит? - тихо спросила она.

- Это значит... - остановился я на секунду, потом продолжил, - ...что я там, где должен быть.

Она прижалась щекой к моей груди.

- Я тоже.

Я знал, что завтра все будет сложно. Что будут взгляды Тораска, вопросы, работа. Но сейчас, в этом мгновении, все было просто. И совершенно.

Я держал ее, слушал ее дыхание и смотрел, как за иллюминатором рождается новая звезда. И чувствовал, что какая-то трещина внутри меня, которая всегда ныла от одиночества, наконец затягивалась чем-то прочным.

ПРИГЛАШАЮ В ЛИТМОБ “КОСМИЧЕСКИЕ МЕДИЦИНЫ”

<https://litnet.com/shrt/X6cq>

1.Ирион Зет “Космический госпиталь. Симбиоз”

<https://litnet.com/shrt/MLO8>

2.ЯСМИНА САПФИР “Не хотите лечиться? А если найдут?”

<https://litnet.com/shrt/OCrh>

3.Алена Червонная, Вика Пламя “Красный код. Мужья

для доктора”

<https://litnet.com/shrt/juX5>

4.Екатерина Самойленко “Космическая неотложка. Код красный “

<https://litnet.com/shrt/Q5qz>

5.Ева Романовская “Три сердца на орбите”

<https://litnet.com/shrt/bOh1>

6.СИрения “Звездные грани страсти”

<https://litnet.com/shrt/MwMF>

7.Вика Пламя “Мужья для землянки. Бригада Ковчег 03”

<https://litnet.com/shrt/T4xR>

8.Марта Савушкина “Надежда для умирающего мира. Симбиоз”

<https://litnet.com/shrt/rYPk>

9.Лёка Лактысева “Ложный вызов. Тени Джархаана”

<https://litnet.com/shrt/D8TG>

10.Полина Атлант “Станция Венера-5. Первая любовь”

<https://litnet.com/shrt/gBkH>

11.Анни Лейн “Ген притяжения”

<https://litnet.com/shrt/ACga>

12.DIVA “Синдром Пандоры”

<https://litnet.com/shrt/PXfy>

13.Талия Осова “По обмену в космос”

<https://litnet.com/shrt/fMJc>

14. Леона Бьёрн “Космические мужья на год”

<https://litnet.com/shrt/m-Fe>

15. Эль Росс "Рейс последней надежды"

<https://litnet.com/shrt/NAGU>

16. Надежда Паршуткина "На орбите исцеления"

<https://litnet.com/shrt/5inz>

Глава 10

Элара

На «Пангенезисе» не бывает легких дней. Но некоторые дни бьют сильнее других. Вызов поступил утром. Стоило мне войти в камеру, как воздух сдавил горло. Пациент лежал в инкубаторе, маленький, не больше моей ладони. Детеныш рептилиоидной расы с планеты Иксия. Существо, похожее на дракончика, с полупрозрачной кожей и большими, уже мутнеющими глазами. Его звали Глипп. Тораск уже был там, изучая голограмму его генома. Лицо его было непроницаемым, но в уголках губ залегла привычная напряженная складка.

- Врожденный дефект внутренней нервной спирали, - сказал он, не оборачиваясь. - Нежизнеспособная мутация. Системы отказывают одна за другой. Мы можем только облегчить процесс.

- Облегчить? - прошептала я, подходя ближе.

- Можно поддержать искусственно дыхание, питание, - объяснил Тораск. - Это продлит агонию на несколько циклов. Но исхода не изменит. Иногда... - он сделал едва заметную паузу, - ...самым гуманным является невмешательство.

В этот момент в камеру вошел Зэврик. Он остановился на пороге, одним взглядом оценив ситуацию. Его мембраны,

обычно такие яркие, мгновенно потускнели, окраси

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.